

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ

Нас спасает винил	5
-----------------------------	---

ГЛАВА 1

Чонвон	11
------------------	----

Соната для арпеджионе D.821	11
---------------------------------------	----

Yesterday Once More	16
-------------------------------	----

В мире этом беспокойном...	20
--------------------------------------	----

Токката и fuga ре минор, BWV 565	25
--	----

ГЛАВА 2

Вон Сок	43
-------------------	----

Dancing Barefoot	43
----------------------------	----

ГЛАВА 3

Туман и Тонман	57
Я не боюсь умирать	57
By This River	71
Destiny	85

ГЛАВА 4

Мирэ	99
Концерт для виолончели с оркестром си минор ор. 104	99

ГЛАВА 5

Сиа	111
Blue Balloon	111

ГЛАВА 6

Тарим	115
Не отпускай	115
Are You Going With Me?	124

ГЛАВА 7

Вончжан	139
Perfect Day	139

ГЛАВА 8

Вон Сок	153
Africa	153
Самое печальное	159

ГЛАВА 9

Чонвон	167
Друг	167

ГЛАВА 10

Мирэ	175
Разбитая посуда	175

ГЛАВА 11

Епун	179
Surfin' U.S.A.	179

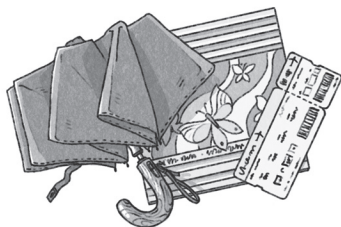
ГЛАВА 12

Чонвон	185
После сна	185
Sketches of Spain	197
Облака	199
Highway to Hell	208

ЭПИЛОГ

Нас все так же спасает винил	223
Вон Сок	223
Чонвон	225
Мирэ и Вончжан	226
Сиа и Тарим	229
Тонман и Туман	230
Майор Том	231

Слово автора	239
Плейлист «Странного магазина пластинок»	245
Сторона А	247
Сторона В	248
Сторона С	249
Сторона D	250

Пролог

Нас спасает винил

*Дождливым будет ли тот день,
когда ты от меня уйдешь?*

Странное дело: все люди, встречавшиеся Чонвону за последний год, как один либо страдали от одиночества, либо были морально изнурены, либо и то и другое. Хотя, если честно, ничего странного в этом нет.

Прошло уже больше года с тех пор, как Чонвон ненадолго отложил решение покончить с собой и, внося аренду за два месяца вперед, открыл «Станный магазин пластинок», где продавал подержанный винил. Конечно, сейчас так называемые пилигримы уже не заполняют магазин с утра до вечера, как это было год назад, однако день за днем сюда по-прежнему приходит немало посетителей. Пилигримами себя прозвали люди, которые в первое время после открытия активно рассказывали миру о новом начинании Чонвона.

Среди множества пилигримов, что заглядывают в этот магазин, есть и те, чьи истории особенно интересны.

К примеру, как-то раз зашла женщина, на вид кореянка, но корейский знавшая плохо. По ее рассказам, свои скромные знания языка она приобрела лишь благодаря к-поп, которым увлеклась в тридцать с лишним лет. Объяснив, что в раннем детстве ее удочерила американская семья, она с помощью переводчика на телефоне спросила: «Не могли бы вы порекомендовать мне какой-нибудь корейский альбом, вышедший в 1986 году?»

Чонвон, также через переводчик, поинтересовался, почему год должен быть именно 1986, на что посетительница ответила: это был год, когда она родилась в Южной Корее, и ей хотелось бы купить альбом себе на память.

Хозяин магазина подошел к полкам с корейскими альбомами 80-х годов и без долгих раздумий выбрал одиннадцатый полноформатник группы Sanulgrim, выпущенный в 1986 году. Хотя альбом и вышел под названием Sanulgrim, по сути, это была сольная работа Ким Чханвана, лидера группы. Чонвон вручил женщине пластинку и показал, где находится уголок для прослушивания.

Примерно спустя час посетительница вернулась с влажными глазами и поблагодарила за хорошую рекомендацию. Когда Чонвон спросил, какая композиция понравилась ей больше всего, та ответила, что песни ей понравились все, но особенно в душу запал заглавный трек, третий по счету на стороне А — «Дождливым будет ли тот день, когда ты от меня уйдешь?».

Прошло около месяца, и женщина появилась в магазине снова. Сказала, что через несколько часов уже будет сидеть в самолете до США, и Чонвон поинтересовался, хорошо ли она провела этот месяц в Корее. Она будто ждала этого вопроса и тут же рассказала о том, как прошла ее встреча с биологической матерью.

Увидев ее впервые за почти сорок лет, та не могла взглянуть дочери в глаза и лишь долго повторяла слова извинений. А ей хотелось спросить о том, что волновало мать все те годы, пока она, носившая клеймо приемного ребенка, жила в стране людей с другим цветом кожи: почему единственным возможным выбором для ее родной матери стало бросить свою собственную дочь? Но ответ на этот вопрос, смешавшись со слезным потоком, как будто бы уже уплыл куда-то далеко, и ее интерес угас сам собой.

— Причину-то я узнала, почему она тогда так поступила, почему не могла иначе. Только вот, даже выслушав ее, не знаю, возможно ли принять это за причину. Наверное, я бы еще смогла понять, скажи она, что внезапно началась война и мы разлучились в хаосе эвакуации. — Горько улыбнувшись, женщина замолчала.

Не зная, ожидает ли она ответа на свои слова, Чонвон колебался что-либо сказать. Однако, словно отрицая это, посетительница продолжила:

— На протяжении жизни мы множество раз совершаем определенный выбор и думаем, что на каждый из них у нас есть причина. Но правда ли это так? Возможно, бросить меня не было маминым выбором. Возможно, она невольно оказалась в трудной ситуации, а к этому всему нехстати добавилась еще и я. Ей просто не повезло. Но знаете что? Случилось нечто крайне удивительное. Сказать честно, я заглянула сюда снова как раз-таки для того, чтобы вам об этом рассказать. — С ее лица сошло то неопределенное выражение, с каким она говорила до этого, и во взгляде появился блеск.

А рассказ ее состоял в том, что такой же альбом Sanulgrim, какой посоветовал ей купить Чонвон, она обнаружила в доме биологической матери. Но не то чтобы

та увлекалась коллекционированием пластинок, нет: у матери не имелось даже проигрывателя, на котором их можно было бы послушать, да и вообще музыка ее никогда особо не интересовала. Так как же тогда у нее в квартире оказался этот альбом? Да еще и лежал на самом видном месте.

В тот день, в 1986 году, когда ее родная мать по тем или иным причинам оставила в доме малютки своего ребенка, которому едва исполнилось сто дней, шел дождь. Она возвращалась домой, и вдруг до ее уха донеслось тихое звучание песни:

*Дождливым будет ли тот день,
Когда ты от меня уйдешь?
Пока рыдает о разлуке небо,
В моих глазах — все так же сушь.
Печаль — история другого дня.
Но слезы лить я буду долго.
Расстанемся ли мы, когда
В моей руке твоя намокнет?*

Песня играла в магазине с виниловыми пластинками. Несмотря на проливной дождь, она вдруг рухнула на сырую землю, не думая ни о прохожих, ни о чужих взглядах, и громко зарыдала. Проплавав довольно долгое время, она наконец поднялась и, промокнув до нитки, зашла в магазин пластинок, где попросила продать ей ту, песня из которой играла немногим раньше. И хоть за последние сорок лет она множество раз переезжала из одного дома в другой, альбом всегда оставался с ней.

Каждый раз, когда пластинка попадалась на глаза, мать вспоминала о брошенном ею ребенке, и сердце разрывалось от боли. Но она думала, что так и должно

быть: ей никогда нельзя становиться счастливой, она обязана страдать. Функция альбома состояла в том, чтобы не позволять ей предаваться радостному настроению, поэтому он всегда находился на самом видном месте.

Когда она смотрела на пластинку, по какой-то необъяснимой причине у нее даже возникало ощущение, будто покинутый ею ребенок жил рядом. Однако у нее никогда не возникало мысли купить проигрыватель и послушать композицию, которая играла в тот день. Наверное, ей казалось: стоит только услышать эту песню снова — и она упадет и уже не сможет подняться.

Выслушав рассказ своей биологической матери, женщина без слов ее обняла. Вздрагивая узкими плечами, та снова рыдала в объятиях дочери.

«Она так много плачет», — подумала женщина. Дождавшись, когда слезы утихнут, она открыла свой чемодан и показала ей альбом, купленный в «Странном магазине пластинок» Чонвона: точно такой же, какой хранила все это время ее родная мать.

В отличие от того далекого дождливого дня, день, когда она снова покидала Корею, был лучезарным как никогда.

Люди зачастую сравнивают жизнь с марафоном. Он не заканчивается так же быстро, как стометровка, и у него не совпадают линии старта и финиша. Пока бежишь дистанцию в 42 195 метров, обязательно появляются мысли все бросить, но к победе можно прийти, только если преодолеть боль. Наверное, этим марафон напоминает наши жизни. Но Чонвон считал немного иначе. Каждый раз, когда он останавливал взгляд на вращающейся на проигрывателе пластинке, его посещала мысль: может, в жизни нет линии старта и какой-то отдельной линии

финиша? Что, если жизнь — это движение по кругу, в конце которого мы возвращаемся в исходную точку? Пластинка крутилась так же, как день за днем Луна крутится вокруг Земли, а Земля — вокруг Солнца. Чонвону это нравилось. Ведь в мире, который вертится по кругу, никто никого не опережает, никто ни от кого не отстает, а значит, нет и нужды спешить. А что важнее всего, даже если день за днем одно и то же солнце неизменно приносит с собой то же самое утро, мы уже не такие, какими были вчера.

Женщина сказала, что ей пора в аэропорт, и в спешке ушла, после чего Чонвон подошел к стене, сплошь облепленной стикерами от пилигримов, и нашел среди них оставленный минутами ранее. На английском языке на нем было написано:

В этом странном магазине продаются только старые пластинки. Но, купив одну, я поняла, что приобрела нечто гораздо большее. Это был не просто альбом, а кусочек ностальгии.

Желание умереть, когда-то навещавшее Чонвона ежедневно, он смог полностью стереть из сердца благодаря «Странному магазину пластинок» и посещавшим его пилигримам.

Глава 1

ЧОНВОН

Соната для арпеджионе D.821

Остановиться на последнем шаге между решением уйти из жизни и его осуществлением Чонвона заставила музыкальная пластинка. В тот момент из тысяч альбомов на глаза ему попался один из отцовских, очень им любимый, — «Соната для арпеджионе D.821» в исполнении Гэри Карра. Да. Перед смертью Чонвон решил послушать эту пластинку в последний раз.

— Чонвон, прислушайся к звуку контрабаса. Он играет в последних рядах, отвечает за самый нижний регистр, без которого, казалось бы, можно и обойтись, но без него оркестру никогда не достичь полноценного звучания. А знаешь, что еще интереснее? На этом инструменте, который, как считают люди, служит лишь для заполнения пробелов в оркестре, кто-то безупречно играл Баха и Шуберта. Разве это не потрясающе?

«Ух ты, и правда! Действительно потрясающе, папа! А этот кто-то и есть Гэри Карр, да?» — как было бы здорово, ответь ему Чонвон с подобным воодушевлением. Тогда папа, наверное, с радостью продолжил бы свои бесконечные рассказы о музыке. А потом его, конечно, пришла бы уgomонить мама.

Однако папа не получил от Чонвона реакции, какую мог бы тогда ожидать. Не потому, что его рассказы были ему неинтересны — совсем наоборот. Но он никак не отреагировал. Для маленького Чонвона это было обычным делом. В тот самый момент, когда он собирался проститься с жизнью, вместе с этим пустяковым воспоминанием в памяти всплыл образ отца. В противоположность другим детям-сверстникам, не скупившимся на смех и слезы, его сын не отличался живостью мимики, и, может быть, поэтому лицо отца нередко выражало эмоции как будто за двоих. Изменилось бы что-либо, если бы тогда Чонвон ответил отцу с чуть большим энтузиазмом, если бы немного раньше осознал, что чем-то отличается от обычных людей, и стал тренировать свое безэмоциональное лицо выдавать подходящие гримасы? Конечно, сейчас эти размышления не имеют смысла, как и бывает со всякого рода сожалениями. В тот день отец Чонвона, должно быть, хотел объяснить своему лишенному эмоций маленькому сыну, что, какую бы жизнь он ни прожил — блистательного солиста, утопающего в аплодисментах, или же незаметного контрабасиста, подобно тени создающего фон для других инструментов, — любая из них будет значима. Но спустя время Чонвон, в какой-то степени освоивший навык выразительности, понял: большинство наставлений, которые он слышал от отца, тот, похоже, хотел дать самому себе и тем самым в каком-то

роде оправдать тот факт, что его собственная жизнь довольно рано оказалась провалом.

Поэтому, наверное, Чонвон впоследствии прошептал перед траурной фотографией отца:

— А жизнь всегда такая? Коляшешься из стороны в сторону в обнимку с этим гигантским контрабасом, а для него уже никто не пишет музыку. Не знаю насчет Гэри Карра, но вытерпеть беспорядочный джаз Чарльза Мингуса мне было очень уж тяжело. Хотя и говорю об этом, правда, только сейчас.

Поставив на проигрыватель пластинку Гэри Карра, выпущенную на японском лейбле King Records, между первой и третьей частями шубертовской сонаты Чонвон бродил на грани жизни и смерти — по той короткой дорожке, что проложила за собой игла от Shure¹. На обратной стороне альбома также имелись композиции Рахманинова и Сен-Санса, однако доходить до них не было необходимости. Если уж и слушать Рахманинова, то для такой ситуации больше подошла бы симфоническая поэма «Остров мертвых»; у музыки же Сен-Санса слишком светливый ритм, как ее ни исполняй.

За последний год в жизни Чонвона ничего не происходило так, как он того ожидал. Правда, если подумать, это не только про последний год, а про всю его жизнь. Так что, пусть и не совсем в новинку, в этот раз дела для него обстояли немного по-другому. Хотя нет, лучше сказать: все кардинально изменилось. Продержавшись этот год в живых, Чонвон стал, как сейчас говорят, инфлюенсером и теперь даже проводил лекции перед незнакомыми людьми. Как это вообще было возможно? Он по-прежнему

¹ Shure — американская компания — производитель звукового оборудования. До 2018 года продавала картриджи и иглы для виниловых проигрывателей.

не знал наверняка. Но как бы там ни было, сегодняшняя лекция называлась «История успеха „Странного магазина пластинок“». И название ей придумал не Чонвон: так значилось уже в рекламных материалах, которые он получил от Но Чинчжу, представителя Федерации микропредприятий Кореи, которая и заказала лекцию. По словам Но Чинчжу, об успехе своего бизнеса Чонвон мог рассказывать неформально, как будто просто хвастаясь перед близкими друзьями. Но видеть в названии лекции слово «успех», да еще и выделенное жирным шрифтом и другим цветом, было для него все так же непривычно. За тридцать с лишним лет Чонвон ни разу не мечтал и не заикался об этом самом успехе, о котором не переставая говорили люди вокруг. В его жизни успеха не было. А, нет, однажды все-таки был: если подумать, в тот день, когда младший брат Чонан сообщил ему, что его приняли в исследовательский центр, куда тот хотел попасть после окончания магистратуры, у Чонвона возникло ощущение успеха, — хоть, строго говоря, достижение это и принадлежало целиком младшему брату.

Как уже говорилось, год назад Чонвон собирался распрощаться с миром. Настроен он был тогда достаточно серьезно и смог хладнокровно дойти до последнего шага детально продуманного плана. Взобравшись на умышленно выбранный неустойчивый стул, он подобно галстуку накинул на шею толстую веревку, крепко-накрепко привязанную к потолку. Ему стоило всего лишь толкнуть стул ногой, дать гравитации сломать его шею — и прощание бы свершилось, как он и хотел. И все же... Чонвон этого не сделал. Но не потому, что в последний момент струсил перед лицом смерти или не смог отпустить свою жизнь. Единственной причиной тому стала музыкальная пластинка, а точнее, 6312 пластинок.

Однажды Чонвон прочел книгу, автор которой занимался утилизацией вещей, принадлежавших умершим в одиночестве людям. Точной формулировки он не помнил, но в книге ему встретилась такая фраза: вещи, от которых приходилось избавляться автору, это не просто вещи, а свидетельство чьей-то жизни, ее часть. Простое предложение, ничего особенного.

В момент, когда Чонвон подошел вплотную к смерти, ему вспомнились эти слова. И тогда он вдруг осознал, что его пластинки — не просто предметы, а нечто более значимое. Эти бесчисленные альбомы являлись следами его жизни и доказательством того, что когда-то у него был отец. Как-то раз, заметив, как бережно он обращается с пластинками, Чонан сказал:

— Если я и пластинка упадем в воду, ты первым делом, наверное, спасешь пластинку.

Тогда Чонвон ответил: «Ясное дело». Пошутил, конечно. Никакая пластинка не могла быть ему дороже Чонана. Однако в мире, где брата теперь уже не было, самым ценным для него оставалась коллекция винила.

У Чонана, который был младше его на четыре года, было очень доброе сердце. После того как брат устроился в исследовательский центр, в честь первой получки он пригласил Чонвона в дорогой ресторан. Официантами там были роботы, и кто-то из гостей, подвыпив, пнул одного из них ногой. Чонан подбежал к упавшему роботу и поднял его с пола.

— Что ты так напрягаешься? Это же робот, — сказал тогда Чонвон.

Но Чонан ответил:

— У роботов, может, и нет сердца, но у людей ведь есть.

Такой он был человек.